

Валерий ЧЕРКЕСОВ,
г. Белгород

Валерий Николаевич Черкесов родился 3 марта 1947 года в городе Благовещенске Амурской области. Более сорока пяти лет проработал в газетах Приамурья и Белгородчины, был собственным корреспондентом «Литературной газеты» по Центральному федеральному округу.

Первая большая поэтическая публикация состоялась в 1969 году в альманахе «Приамурье моё» (Амурское отделение Хабаровского книжного издательства). Автор двадцати пяти книг поэзии, прозы, публицистики, произведений для детей, изданных в Москве, Белгороде, Благовещенске, Воронеже, Хабаровске.

Стихи и проза печатались во многих столичных и региональных антологиях, альманахах, сборниках, журналах, таких как «Наш современник», «Москва», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Аргамак», «Подъём», «Берега», «Дальний Восток», «День и Ночь», «Север» и других.

В Союз писателей СССР (России) был принят 30 марта 1991 года. Лауреат Всероссийской литературно-театральной премии «Хрустальная роза Виктора Розова», Международной литературной премии «Прохоровское поле», литературной премии имени Леонида Завальнюка, дипломант IV Международного литературного форума «Золотой витязь».

За литературную деятельность награждён медалями «Патриот России», «За вклад в отечественную культуру», «За заслуги перед землёй Белгородской» 2 и 1 степеней.

* * *

Никогда не думал, что мне придётся подбирать рифмы к слову «война», но пришла она – и сердце надрывно бьётся.

* * *

Уехать есть куда... Но не об этом речь: я не могу и не хочу, как заяц, бечь, от страха свою шкуру потерять.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ГОЛОСА РОССИИ

СТИХИ ИЗ ПРИФРОНТОВОГО

БЕЛГОРОДА

А за окном неистово опять
воздушная тревога голосит.
Бог ПВО-шник, верю, защитит.

БОЕЦ «АХМАТА»

Под тяжеленными берцами
хлюпает чернозёмная грязь,
нудный дождик лицо остужает,
но боец знает –
он здесь горы свои защищает
и не только потому, что дан приказ.

Родина – она одна.
Отсюда,
из белгородских просторов,
ему победа видна.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Торкнулась дверь. Голос. Она
его из тысяч узнает.

– Комбат отпустил на сутки, сказал:
«Матушка – это святое».
Тебе я, родная, ромашек нарвал
прямо на поле боя.

Летняя ночь незаметно пройдёт.
Наглядеться бы! Наговориться!
Утром сыну снова на фронт.
– Буду молиться...

ПИСЬМО

Ничто так не поднимает боевой дух,
как письмо из дома.

– Папа, мы ждём тебя с победой! –
старательно выведено детской рукой.

И боец понимает –
по-другому не может быть.

БЕЛГОРОД. БЛОКАДНИЦА

Пережившая девчужкой блокаду
в Ленинграде,
она, услышав вой воздушной тревоги,
истово крестится и говорит:
– Вот и детство моё вернулось...

УЛЬЯША

Ульяша знает: её папа герой –
это всё, что она о нём знает.
Уснул навсегда под гранитной плитой,

и розы на ней полыхают,
которые положила Ульяша...
Вот правда горькая наша.

ВЕСНА 2024

Хлеборобы выходят в поле.
Наготове бронжилет –
ничего неестественней нет!
Неужели на то Божья воля?

Нынче самое мирное дело
вровень с ратным стоит.
Надо сберечь и душу и тело –
ещё урожаем убирать предстоит.

ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

1.
Посечённые осколками снарядов
ветви весенних деревьев.
на рваных срезax
капельки сока, как слёзы.

2.
Воробьи,
спугнутые
с покачивающихся проводов
близким грохотом,
залетели на балкон –
тоже убежище ищут.

3.
От близких разрывов ракет
тюльпаны на газонах вздрагивают,
но цветут, цветут –
наперекор смерти.

* * *

Выкрикаться и выплакаться,
помолиться, послать проклятья врагу –
вот всё, что могу.
А черёмуха вновь в снегу
бело-пенном, красавицей видится.

И весенние птицы в небо взлетают,
что – жизнь продолжается –
подтверждают.

* * *

...И встретив, ангел спросит: – Был
ты где, когда коварный враг
по градам, всеям «градом» бил,
смерть сея на родных просторах?

Что я отвечу?
– Не держал
в руках оружие, но сердцем
был там и с теми, кто лежал
в окопах, за единоверцев
молился, стиснув крик зубами.

Зачти на небе это, ангел!..

* * *

Станиславу Минакову

Переключка колоколов,
завыванья воздушной тревоги...
Нереальность материализовалась
и страшит, а не удивляет.

Но когда наступает затишье,
как святое помнится только
звон врачующий, а не разрывы
беспощадных вражьих ракет.

Избирательна память – дороже
ей всё то, что жизнь утверждает.
А война – она ляжет в граниты,
в обелиски, дай Бог, навсегда.

* * *

*...И как один умрём
В борьбе за это.*

Из революционной песни

Умирать не стоит
ни за это и ни за то:
никакие идеи
не стоят человеческой жизни.
Святое дело –
защитить Отчизну
на ратном поле,
чтобы остаться потом
в памяти тех,
кто придёт к обелискам
и, скорбя, поклонится низко.

* * *

*По гробы ходить в Россию запросто.
Приступ, отступ –
и ворочай заступом.*

В. Михалёв, 1975 г.

Пророчество? Предвиденье?
Не хочется
поверить в это. Но опять, опять,
историю забыв, чужие полчища
посмели землю русскую топтать,
как некогда татары и монголы,
французы, немцы...
Где теперь их прах?
Поэт сказал же: – Возвращаться будут
они не с перемогой, а в гробах.

26 августа 2024 г.

Анатолий БЕЛИНСКИЙ,
Москва

Белинский Анатолий Васильевич родился в станице Васюринская Краснодарского края, детство и юность провёл в г. Ростове-на-Дону. Окончил Ростовское художественное училище имени М. Б. Грекова и Московское высшее художественно-промышленное училище (бывшее Строгановское) по специальности «художник-конструктор». Сорок лет проработал в бюро технической эстетики в разных НИИ, одновременно занимался пейзажной и портретной живописью. Стихи пишет с юности. Произведения публиковались в альманахах и журналах. Лауреат и дипломант литературных конкурсов. Автор поэтической книги «Мелодии Нескучного сада», вышедшей в издательстве «Образ» в 2021 году.

ДВОЙНИК

А вот и первая пороша.
Я ночью выплянул в окно –
Тоской о будущем и прошлом
Больное сердце обожгло.

Призрев никчёмность караула
Уныло-тусклых фонарей,
Чья там нелепая фигура
Маячит в сумраке аллеи?

Незрима связь меж ней и мною –
Нас в этом трудно уличить.
Одно лишь явно – мы зимою
Всё те же путники в ночи.

Там человек, ему не спится.
Он – точно я. Он мой двойник.
Он в мраке ночи растворится,
Исчезнет так же, как возник.

СУМЕРКИ

В сумерках всхлипнет мутных
Под каблуком вода.
Вы, уходящая, будьте
В мыслях моей всегда!

Сладкой опутан ленью,
Я уж не так люблю,
Но ваша тень, виденье –
Всюду сто раз на дню.

Вот и сейчас в сознание
Профиль ваш вдруг возник,
Словно бы в окна зданий
Облака белый лик.

Осень накрыла город,
Дымом мой плащ пропах.
Листьев дымится горы –
Чувств, превращённых в прах.

САМОВОЛКА

Когда патрули отупеют от рвения
И псы перестанут без повода лаять,
Настанет моё заповедное время:
Нырнуть в электричку ночную,
Как в память.

И мчать, озирая безлюдность вагона,
Пустившись в отрыв,
Слову «счастье» не веря,
В посёлок,
где дом со скрипучею дверью,
Где ждёт меня славная девушка Тома.

Пока старшине поле хлебное снится
И носом клюёт, бронзовея, дневальный,
Мне надо успеть уложиться
в три тридцать,
Оставив лишь час
на возврат экстремальный.

Три тридцать
всего-то на наше свиданье,
На то, чтоб
без памяти слиться в объятьях,
На то, чтоб, сноровку явив и старанье,
Мне – снять гимнастёрку,
А девушке – платье...

ДЕВЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ

Тебе сегодня девятнадцать лет.
Воскресный день
весенней ранью молод.
Нет прошлого и будущего нет,
Есть только ты и я – и этот город.

Есть только «здесь»,
«сегодня» и «сейчас».
Не «где-то там»,
не «может быть», не «после».
Есть этот день и этот светлый час,
Который нам в награду богом послан.

На то, чтобы, доверившись судьбе,
Теряя разум, слились мы в объятьях...
На то, чтоб я нашёл себе занятие –
Один оставшись, думать о тебе.

Детской колыбели,
 Девичьей постели,
 К мужу молодому,
 Старику седому.
 Пела об исконном.
 Пела об извечном,
 О безмерной пела
 Доброте сердечной.
 О стране счастливой,
 О пути отрадном,
 Пела о начальном
 Слове благодатном.
 Пела – и надежду
 Каждому давала,
 И по всей планете –
 Мир благословляла.
 Много ль песне надо?
 Лишь мечту да боль:
 Будет в песне радость,
 Будет в песне соль.
 И душа – горела
 Болью всей земли,
 Но уста – рождали
 Песню о любви.

ПЕСНЬ ТРЕТЬЯ. ПЕСНЯ ИГА

На краю, над ощеренной пропастью,
 Где пучина клокочет о зле,
 Два крыла – словно чёрные лопасти –
 Показались в пугающей мгле.

И послышалась песня – незримо
 Полетела она над землёй,
 Непреклонно, непреодолимо
 Увлекая идти за собой.

Голос был упоительно сладок,
 Но как яд разливался в крови –
 И казалось, что жизни не надо,
 Обольсти, усыпи, умертви...

И шагали в разверстую бездну,
 И не слышали, как за спиной
 Тихо плакал ребёнок безвестный
 И просил их вернуться домой.

Ты не плачь, не плачь, дитяtko милое –
 Не тебе эта участь рабов,
 Не к тебе простирался над бездною
 Чуждых песен пленительный зов.

ПЕСНЬ ЧЕТВЕРТАЯ. СТРАТИМ

Спустилась тьма на сонный дол –
 Немые рыбы спят и люди,
 И злые ветры с дальних гор
 Несут разор. И что же будет
 Наутро с миром? Пробуждённый,
 Согретый солнечным лучом,
 Очнётся он? Иль прокажённым
 Зачахнет в царствии ночном?..

И полетели – сквозь века
 От древней детской колыбели –

Слова живого родника
 Родимой речи. Зазвенели
 Напева звуки: зазвучал
 Он в годы дола роковые,
 Когда правитель гор наслал
 Сюда ветра свои лихие.

То – сорвалась с гнезда стрелой
 Праматерь-птица, полетела
 В мир дольний, скрытый жадной мглой,
 И Песню первую запела:

От корня в поле дуб растёт,
 Родной земли вбирает влагу,
 И ей, поящей, воздаёт
 Свой урожай. От дольных тягот
 Здесь путник отдыхает, зверь,
 И птица над гнездом хлопочет.
 И будет так! Пока злой червь
 Корней могучих не подточит...

Так пела птица и дрожал
 Её в веках разлитый голос,
 Но никого не пробуждал...
 От зёрен выпростанный колос
 Дрожит – его конец решён.
 Лишь песня длиться не устанет...
 Праматерь-птица бьёт крылом
 И Песнь вторую начинает:

От родника течёт река,
 И он, пока не источится,
 Её питает. Рыбакам
 Улов на радость, здесь плодится
 Довольно рыбы. Славный путь!
 Сильна река теченьем в русле,
 Её не склонит повернуть
 Посул губителя искусный.

Так пела. И –
 Не пробудился дол
 От этой песни вековечной.

Но всколыхнул живой глагол
 Томленье нежности сердечной:
 Как будто так же пела мать
 У колыбели мирозданья,
 И стало сладко вспоминать
 Её черты, её дыханье...

О, взвейся, песня! Побори
 Ты эту тьму и дух безверья,
 И настезь окна отвори,
 И глухо замкнутые двери.
 О, выйди, солнце! Оживи
 В сердцах забытое горенье.

Куда рассветный луч сошёл –
 Падёт гора и встанет дол*.

* Горы падают, доли встают. Русская пословица // Пословицы русского народа. – М.: Художественная литература. В. И. Даль. 1989.

ПЕСНЬ ПЯТАЯ. ГАМАЮН

Вечное ей, огневое открылось,
 Похолодел прозревающий взгляд:
 Чует правителей гнев и немилость,
 Видит – Спаситель презрен и распят.

Крыльями бьёт и трепещет, и стонет,
 Бессильна молчать – начинает полёт,
 Кружит над брэнной землёй и глаголет,
 К кому-то вызывает, кого-то клянёт...

Нет! Ты не пой свои песни заклятые,
 К силам полуночной тьмы не взывай –
 Слышишь ли грома тугие раскаты,
 Ведаешь близость ли вражеских стай?

Прочь прогони наваждения страстные,
 Вымолчи крик иступлённый в груди.
 Творящему слову земное подвластно –
 Так зла не пророчь ты на нашем пути.

Надежда КОРЫЧЕВА,
г. Владимир

Корычева Надежда Николаевна родилась и живёт в городе Владимире. Стихи начала писать в школьные годы. Первая публикация состоялась в мае 2016 года в коллективном сборнике стихов проекта «Библиотека современной поэзии» в Москве. В издательстве «У Никитских Ворот» изданы четыре авторских сборника стихов.

СИРОТИНУШКА

Мой отчий дом, замки висят по пуду,
За что нас разлучили? Не пойму.
Пришла к тебе, немножечко побуду,
Поговорю и душу отведу...

Присяду возле дома на скамейку,
Отец в неё последним гвоздь вбивал,
Не крашена, почти выросла в земельку,
А был бы жив, конечно, подлатал...

Дела на огороде тоже плохи,
Все грядки не ухожены стоят.
Поглажу ствол у старой черемохи,
Под нею дед закапывал котят...

Пылится под навесом коромысло,
И жизнь моя дала такой изгиб.
В дверях закрытых никакого смысла,
Сквозь стены слышу половицы скрип...

Я загляну в немывтое окошко –
На переборке ходики висят,
А у печи ухват и кочерёжка,
Как верные охранники стоят...

Да как же так,
что мне теперь без спроса
На твой порог ногою не ступить?
И, словно мать, склоняется берёза,
Обняв ветвями срубы лет твоих...

А ты своими мутными зрачками
На Волгу гордо устремляешь взгляд...
Нет, не придёт прозрение с очками
К тем, кто душой и сердцем слеповат!

Не пощадило нас с тобою время,
Стекли года дождём по желобку,
Я, словно не пророченное семя,
Пришла с тобою разделить тоску...

Влечёт к тебе неведомая силушка
На камне постоять, что на углу,
Ну, что ты плачешь,
словно сиротинушка?
Я через год к тебе ещё приду...

МАТЬ И МАЧЕХА

Яблоня в саду, на исходе лета,
Яблоки в траву сбрасывала с веток,
Урожай отменный выдался опять,
Выносить до срока
всех не сможет мать.

Каждому не хватает ласки и любви,
Всех ей не насытит соком из груди,
Горбится под грузом
собственных детей,
Выпрямить осанку хочет поскорей.

Было так и будет испокон веков –
Не под силу тяжесть
собственных плодов,
Сильному позволит на ветвях созреть,
Слабому поможет пасть и умереть.

Разобьются с треском
о земную твердь,
От корней родимых принимая смерть,
Скатятся в канаву, свой найдя приют,
Вмиг осиротевшие там и догниют...

Ни умом, ни сердцем это не понять –
Для кого-то мачеха, для кого-то мать...

СТАРАЯ ЛОДКА

Перевернута лодка вверх дном,
На цепи, словно злая собака,
Не скулит и не просится в дом,
А иначе всё было когда-то...

Конопатил хозяин пенькой
И уключины смазывал вёсел,
Пахло свежей от днища смолой,
И рыбачили вместе на плёсе...

Пережили, и штили, и шторм,
И пьянящие ласки прибоа,
Если черпали воду бортом,
Выходили с победой из боя!
Ждёт она, что хозяин придёт
И с цепи её спустит на воду,
И, как прежде, она обретёт
Два весла и былую свободу...

Как похожи худые бока
На обглоданной рыбины кости...
Не починят уже никогда –
Спит хозяин давно на погосте...

МНЕ НИКОГДА НЕ ПОЛЮБИТЬ НОЯБРЬ

Мне никогда не полюбить ноябрь
Неласковый с его предзимней стужей
И в полумраке сгорбленный фонарь,
И тусклый свет,
разлитый в мутной луже...

И едкий смог от тлеющих костров,
В которых догорает увяданье,
И веток голых ивовых кустов,
Склонённых,
как в прощальном целованье...

Всё это грусть наводит на меня,
Но и она закончится когда-то,
Лишь этим утешаю я себя
И крестиком зачёркиваю даты.

Нет, никогда не полюблю ноябрь
И этот дождь,
что мне в окно скребётся...
Я жду, когда разгонит ветер хмарь,
И солнца лик с небес мне улызнётся!

ЖЕНСКАЯ СЛЕЗА

Ты слёз моих не видел никогда
И думаешь, что я совсем не плачу,
Ты ошибаешься, мой милый,
как всегда,
Но думай только так, а не иначе.
Как драгоценность
свой храню секрет,
Моих страданий звать тебе не надо,
Я их копила столько зим и лет,
Перед тобой безвинно виновато.

В слезах девичьих можно утонуть,
А женская слеза, она другая,
Невидимая, катится вовнутрь,
Высокой пробы, чисто золотая.

ФИАСКО

Мне трудно вас, сударыня, понять,
Так часто вы меняете решенья!
За что, позвольте мне у вас узнать,
Меня вы удостоили презренья?

Я вашу ручку разве не лобзал,
Учтиво припадая на колено?
Богиней разве вас не называл?
Зачем же вы так смотрите надменно?

Ах, сжальтесь,
я прошу вас, надо мной
И удостоите прежнего вниманья!
У сердца ваш платочек кружевной
Ношу как о любви напоминанье...

Подайте примирительный сигнал,
Вам не к лицу обидчивая маска,

Перед врагом в бою не отступал,
А перед вами я терплю фиаско!

Вам в плен готов сдаваться
каждый день
И не считать сие за униженьё!
Стреляйте же
безжалостно в мишень,
За честь приму такое поражение!

ДРУГ МОЙ КОЛЬКА

*Посвящается воинам-контрактникам
Российской армии
Сергею С., Дмитрию К.
и их боевым товарищам,
не вернувшимся с поля боя
во время СВО*

Новый год будет грустным самым,
И мне некого в гости ждать,
Он не будет шумным и пьяным,
Но я должен его встречать...

Я поставлю на стол закуски,
Этот праздник нам с детства мил,
И отмечу его по-русски,
Друг мой Колька его любил...

Ёлка в полночь огнями вспыхнет,
В два стакана налью вина,
В том, что Колька
со мной не выпьет,
Может, есть и моя вина...

Под Изюмом, разведка боем,
Вдруг накрыло взрывной волной –
Перелом, контузия, кома...
После госпиталя – домой.

Выжил, значит... А ты не выжил...
Как суров закон у войны!
Ты прости меня, что так вышло,
У медали две стороны...

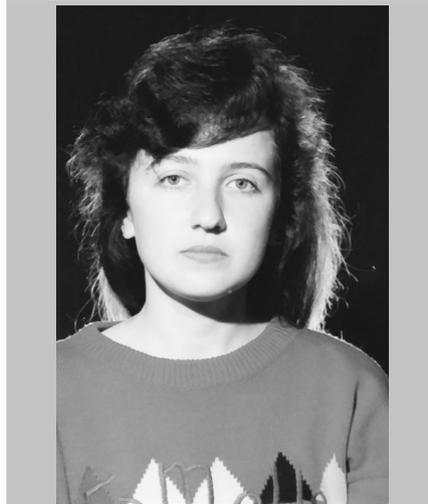
Без тебя Новый год встречаю,
Не придёшь ты, хотя и зван.
Хлебной коркою накрываю
До краёв налитый стакан...

Сверху всё тебе видно, Колька,
Праздник, а на душе печаль.
У меня всех нарядней Ёлка –
На макушке твоя медаль.

Не бывает героев бывших
У Великой Моей Страны,
Я тебе обещаю, слышишь,
Новый год будет без войны!

Анна СТОЦКАЯ, г. Волгоград

Стоцкая Анна Владимировна –
филолог, преподаватель иностранных
языков. Окончила Мариупольский
гуманитарный институт ДонГУ.
С 2022 года живёт в городе Волгограде.
Издала три сборника своих стихов.

КАК ВОЛШЕБСТВО ПРИДЁТ ВЕСНА...

* * *
Мороз крепчает,
и солнце, кажется, сверкает ярче,
Чем миллионы городских
искусственных огней,
И, как они, так хладно и слепяще
И не согреет никого
в студёный зимний день.

Завидной белизны ковры
устлали землю

На вёрсты длинные,
насколько хватит глаз,
Но не теплы они
и праздничной красой своею
Пленят, но не спасают
в непогожий час.

Глубокие снега
и инеем посеребрённые берёзы,
И озера лесного
хрустально-ледяная гладь,
И ив плакучих
чистые бриллиантовые слёзы,
Как дивный сон,
способны лишь на миг очаровать.

* * *
И нерушим покой
берёз светловолосых
И хат с заснеженной белой головой,
И яблонь
в ледяном плену стоящих босых,
Окутанных святою зимней тишиной.

И чуть качнутся ветви ив плакучих,
Украшенных морозной бахромой,
И спящим царством
чёрный лес дремучий
Мне кажется
перед волшебным Рождеством.

И снег искрится драгоценным мехом,
Небрежно чьей-то брошенный рукой
На плечи голые тополей раздетых,
Продрогших
бесконечно долгою зимой.

В сон погружённая земля
под ясным светом
Звезды, взошедшей
в тёмных небесах, –
Во всей Вселенной одинокая планета
С обыкновенными своими чудесами.

* * *
Деревьев гуще и нарядней кроны,
Под тяжестью снегов
склонили ветви до земли.

Над ними
небеса свинцовые безмолвны
Роняли слёзы невесомые свои.

Лебяжьим пухом укрывали плечи,
И мне казалось, что до завтрашнего дня
Укроет с головой зима навечно
И дом, и сад, весь город и меня.

И тропы все засыпаны безвестны
Под покрывалом
мартовских сырых снегов.
А значит, я в плену у столь чудесных
И нереальных вешних тёплых снов.

* * *
И тонкие,
и нежные узоры зимних листьев,
Резной морозной обрамлённые каймой,
Украсили
такой заброшенный ветвистый
Заиндевший сад любимый мой.

Перины снежные тепло укрыли землю,
И будет спать она до будущей весны.
Бела дорога, что уходит в бездну
Безжалостной
холодной зимней тьмы.

* * *
Как волшебство придёт весна,
заговорят леса,
И свежий ветер
развеет над рекой туманы,
И снова птицы поплывут в лазурных
небесах,
И мшистой зеленью
укроются поляны.

И солнце припекает горячее,
И с ледяных сосулук звонкая капель
Уже на все лады выводит громче
Весеннюю мелодию грядущих тёплых
дней.

Вагаги воробьёв взъерошенных
бросаются под ноги.
У них своя забота после зимних стуж.
Я рада от того,
что радовать меня так могут
Их незатейливые игры у тёмных луж.

Мне сущим пустяком
покажется февраль –
Внезапная его метель и лютый холод.
Его заснеженная сребротканая вуаль
Не излучает больше света ледяного.

Всё злится зимушка-зима,
но чует сердце,
Согретое лучами солнечными
и нежным
первоцветом,
Любовь бескрайняя моя
ко мне вернётся,
Как волшебство
придёт весна за нею следом.

Уже теперь мне полная луна
не кажет своего холодного бездушья.
Она тепла и говорит о половодье.
О том, что скованная льдами, тихая река
так скоро разольётся пуще,
Лесные затопив угодыя.

Она мне говорит: идёт весна –
на землю и в людские души,
Не удержать её в неволе.
Весна, как жаркая река,
сердца растопит после зимней стужи,
Наполнив их любовью.

Я постараюсь не глядеть
на грязный, захламлённый город,
Я буду выше суеты мирской.
В нём только толкотня и нет
по-настоящему
прекрасного и дорогого.
Дороже мне цветок простой.

Из пролесков соткала синие ковры
весна в Святых горах,
Как чистые святые небеса.
В чужих краях чужой страны
чудес достаточно, но никогда
Не встретится подобная краса.

Уже теперь мне полная луна
не кажет своего холодного бездушья.
Она тепла и ночь светлее.
И безнадежность зимняя ушла,
и серые пичуги в хоре дружном
Запели громче и смелее.

Весны грядущей зелень буйная
Зимой в оранжерейных пальмах
береглась,
Пока белы дороги, и сады мертвы,
И стужи над землёй неограниченная
власть.

В миниатюрных водопадах
Журчанье слышалось
ручьёв весенних,
И канареек жёлтых голоса
Хранили звуки
соловьиных песнопений.

И дивные заморские цветы
Каскадами спускались
с полукруглых арок,
И аромат медвяный, как поток,
Лился удушлив с них и сладок.

За окнами свирепая зима
Раскинулась на мили белою пустыней,
Хозяйкой маленького островка
Себя я чувствую
в цветочном магазине.

Я песню слышала в чужом наречии.
Она спускалась с гор, как невесомый
ветер,
То нарастая,
то сменяясь бесконечной
Лёгкой тишиной.

Вздымала руки к небу верба,
Святой водою окропленным цветом,

И так светло серело небо
Передо мной.

Я видела, как возвращались птицы,
Неся на крыльях ясный полдень,
Как снег растаял, и зелёным ситцем
Покрылся склон.

В одно мгновение всё исчезло.
Широкою рекой разлился,
Переполюня берег сердца,
Пасхальный звон.

Шумящий ветер
в серебристых листьях
Берёз высоких в приозёрной полосе
И рябь воды
ещё холодной тёмно-сизой,
Трава в блестящей утренней росе –

Так более ничто
меня не вдохновляет,
Ничто не ближе сердцу моему.
И для чего живу, наверняка я знаю –
Увидеть вновь неповторимую весну.

И сонный сад, как в розовом тумане,
Расправив крылья, над землёй плывёт,
И кружит голову душистая отравка
В росе умывшихся цветов его.

Нет ветра, нет ливня,
нет солнца и моря,
Лишь в серых озёрах бездонное небо
Сереет безмолвно.
Нет радости, счастья, печали и горя.
И рекам подобно, покорно и слепо,
Следую я, околдована словно,

По долам, равнинам,
по взморью и скалам
То тихо, то бурно, сметая дорогу,
К тебе одному.
Сердце моё живое узнало
Родное биение сердца другого
И рвётся к нему.

Как близко уже громовые раскаты,
Над садом цветущим пять молний
Сверкают одна за одной.
Нет страха, нет грусти, желания святых.
Ты все их исполнил
И сам стал святой.

Девятого мая вспыхнут тюльпаны –
У моря бордового скорбно тополи
Заплачут о детях земли.
Нет вчера, нет сегодня,
нет завтра, так рано
Жизнь замерла и непрóжитой долей
Кружит над полями войны.

Галина ТАЛАНОВА,
Нижний Новгород

Галина Таланова (Бочкова Галина Борисовна) – биофизик, кандидат технических наук, автор девяти книг стихов и семи – прозы. Член Союза писателей России.

Живёт в Нижнем Новгороде. Работает в ООО НПО «Диагностические системы». Лауреат премий «Болдинская осень» (2012), журнала «Север» (2012), им. М. Горького (2016), Нижнего Новгорода (2018), золотой лауреат международного конкурса «Её Величество книга!» (2016), золотой дипломант VII Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» (2016), дипломант международных конкурсов им. О. Бешенковской (2015), им. де Ришелье (2016, 2017), им. Мацуо Басё (2016), премии-ордена им. Кирилла и Мефодия (2016), «Русский Stil» (2017), дипломант Международной литературной премии «Диас» (2024), «Звезда полей» им. Н. Рубцова (2023), А. Фета (2024), журнала «Зарубежные задворки» (Германия, 2018), вошла в лонг-листер премии им. И. Бунина (2011, 2012, 2015, 2017), в шорт-лист международной премии им. Ф. Достоевского (2017) и других.

Имеет более 170 литературных публикаций: в журналах «Нева», «Юность», «Роман-журнал XXI век», «Север», «Москва», «Аргамая», «Дон», «Волга. XXI век», «Наш современник», «Работница», «Новая Немига литературная», «Родная Ладога», «Природа и человек», «Вертикаль. XXI век», «Сура», «Берега», «Подъём», «Южная звезда», «Дрон», «Зарубежные задворки», «Новый свет», «Предлог. Com», «Велирокоссь», «Нижний Новгород», «Истоки», «Литга», «Приокские зори», «Новый Орёл+ XXI век»; газетах «Литературная Россия», «День литературы», «Новая газета», «Общеписательская литературная газета», «Российский писатель», «Земля нижегородская», «Ленинская смена», «Знамя», «Горьковский рабочий»; альманахах и коллективных сборниках «День поэзии. XXI век», «Невский альманах», «Гостинный двор», «Новый континент», «Созвучье муз», «Российский колокол», «Новый Енисейский литератор», «Земляки», «Витражи», «Муза» и других.

* * *

Обманчивое, хрупкое тепло...
И бабочка порхает над лугами,
Хоть я ждала, что хрустнет, как стекло,
Трава,
Уже не встав под каблуками...
Так горько знать,
Что всё равно конец
У лета, что уже пылает красным.
И бабочка над мятой – не жилец,
Хотя она по-прежнему прекрасна.
Всему свой срок.
И время уходить.
А вот очнулась –
И трепещут крылья.
Так ветер тащит за собою нить –
И змей парит,
Лежавший от бессилья, –
Он видит землю маленькой, родной,
Но тащит вверх,

Где скроет облаками...
Любовь под осень кажется смешной,
Но я держусь за ниточку руками.
Бегу за змеем,
Плача: замкнут круг,
Река и луг сольются в вихре белом.
И нить боюсь я выпустить из рук,
Хоть знаю,
Что у Бога под прицелом.
И задержаться,
в сущности, страшней...
И скоро нужно завернуться в кокон.
Но ничего не кажется важней
Любви, что обожгла, как будто током.
Так нежен август, что почти истёк,
Дождями голоса по цинку крыши.
И змей парит,
Как брошенный листок,
И с каждым кругом
в небо тянет выше.

* * *

Ах, этот пьяный воздух по весне...
Я в марте с болью маму вспоминаю.
А кот орёт, качаясь на сосне,
Увидев в синем небе птичью стаю.
То птицы возвращаются домой,
Чтоб спеть вновь так,
Как только здесь поётся.
Жизнь кажется забавною игрой,
Как блик луны дрожит на дне колодца.
...Так страшно полыхает Сити Холл,
Где мальчик тот,
стрелявший из рогатки,
Теперь спокойно направляет ствол,
Чтоб с жизнью
рассчитаться без оглядки
На близких,
Что когда-то провожал
В чужую даль
И плакал в ночь украдкой.
И лунный свет тревожил и мешал.
И жизнь казалась
сумрачной загадкой...
Теперь оценщик жизней
в ломкий грош.

Чужая кровь –
Солёная, как море...
И звёзды с неба выстроились в ковш,
Не для того ль,
чтоб черпать, черпать горе
Других, неверных,
праздных, не родных...
Поют не птицы –
Души павших близких...
Боль бьёт наотмашь, резко и под дых,
И, как грибы, растут о жертвах списки.

* * *

Дорогие мои,
Я успела прийти по теплу
И убрать
прошлогодние листья с погоста.
Сладкий сок поднимается
вновь по стволу,
Хоть проснуться
от спячки бывает непросто.
И сочится надрез на коросте берёз. –
Кто-то снова
напиться желает из раны.
Эти сладкие слёзы,
Как в детстве, всерьёз –
От какого-то взрослого злого обмана.
Вот и снег на цветы...
И тюльпаны лежат,
Как зелёные змеи,
Заснув на газоне.
Снова слёзы
на кончиках веток дрожат.
И подули ветра,
Словно в зимнем сезоне.
Вновь ломаются в ночь
Ветки в буйном цвету,
Что согнуло снегами
в столь позднюю Пасху.
...Я по жизни
как будто плыву на плоту,

Хоть не верила в чудо и добрую сказку.
Дорогие мои,
И до вас донесёт
Этот плот,
Что закрутит в конце перекатом.
Ветки вишни в цвету,
Что согнул снежный гнёт,
Возвратили щемящее чувство утраты.

* * *

Маме, Эльвире Бочковой, поэтессе

А имя твоё всё горчит на губах...
И в снах лишь приходишь,
Без стука, без спроса.
Я будто репейник в осенних лугах,
Который не видели острые косы.
Цепляться пыгаюсь
За тени во тьме.
И жду: позовёшь
Или с ветром примчишься?
Хоть дело идёт к равнодушной зиме,
Где лучики солнца,
Как острые спицы. –
Мелькают, мелькают
В умелых руках.
Что вяжешь, создатель,
Ажурною вязкой? –
И впрямь дирижёр,
сделав палочкой взмах,
Иль мудрый учитель,
направив указкой...
А что мне, создатель, придумаешь ты?
Последнюю встречу на белом погосте,
Где снегом засыпало тьму и кресты
И лишь после Пасхи
направятся в гости...
Но мы ещё здесь и туда не спешим.
Твои на граните прощальные строки
О том,
Что мосты не сжигаешь к живым,
Но только до них развезло все дороги.
Лишь в строчках вернуться...
А в сердце... – всё там...
И в двери скребётся прозрачная осень.
И яркие листья – дарами к ногам.
И в небе, как глаз приоткрывшийся,
просинь.

* * *

Я смотрю, как дымится вдали
Мелкий дождь, горизонт размывая.
Тянет сыростью здесь от земли,
Хоть, казалось, жизнь будет без края.
Этот дождь, что висит без труда,
Будто птица, парящая в небе...
Всё пройдёт, как уходит вода,
Нас взметнувшая ветром на гребень.
Всё пройдёт,
И любовь отшумит,
Та, поющая в ночь соловьями,
Ведь уже не осталось обид
И размолвок, что были меж нами.
Только горечь и шёпот дождя,
Что играет по клавишам листьев.
И тетрадку несущую, как дитя,

Без которой я жизни не мыслю,
Прижимая к груди от воды,
Что подрезала крылышки пуху.
И головки склонили цветы,
Скорбно сгорбились, точно старуха...
... На берёзе глубокий надрез,
Сладкий сок и бездумную негу –
Помню всё.
Этот свет не исчез,
Не растаял, как след твой по снегу...

* * *

Я твоей не желаю любви,
Только, милый, прозрачного взгляда.
И тогда запоют соловьи
Средь заросшего клёнами сада.
... Будто в юности,
Годы – вода,
Что уходит в песок между пальцев...
Не прощались с тобой навсегда,
Мы ещё на земле постояльцы.
Для чего же по следу собак
Посылаю,
Боясь, что прервётся?
Отгоняю забрезживший мрак,
Зачерпнув в ковш звезду из колодца. –
Но с собой не могу унести. –
Ковш водой обожжёт ледяною.
Покачаю звезду лишь в горсти,
Только в памяти свет твой со мною.
Посылаю свой голос больной,
Что дрожит зыбким бликом в колодце.
Хоть казалась мне встреча судьбой,
Буйным ветром ответ захлебнётся.

* * *

Пух тополиный падает, как снег,
И оседает на озёрной глади.
И я смотрю на солнце из-под век,
Нанизывая бисер букв в тетради...
Ну вот и лето...
Летний день, как пух,
Как сон под утро в праздную субботу.
Как шар воздушный,
Рвётся в небо звук,
Фальшивую в руках оставив ноту.
Скажу «люблю»,
Коль просишь,
Снова ждёшь,
Когда прошу полынны обиды.
Слова, слова,
Цена которым – грош,
Но не подам о том, что плачу, вида. –
О том,
Что жизнь уходит на закат.
И мы любовь поим,
Чтоб не засохла,
Хоть весь в пырее и крапиве сад.
И время подошло сгибаться вёглам.
Но ты вьюнком
сухой сжимаешь куст... –
И расцветает высохшая ива.
И кажется:
В неё вдохнули чувств,
Ведь голову не клонит сиротливо.

* * *

Всё короче и редкостней строки.
Будто горло шадя, замолчу.
Для кого этот звук одинокий
Раздувает, как ветер, свечу,
В мелкий дождик не к месту,
Некстати,
Что гоняет круги по воде?
Липнет к телу намокшее платьё.
Мир как будто захлопнут в слюде.
И намокшие перья вороны
Одиноко лежат на песке.
И играют под каплями кроны,
Точно клавиши в лёгкой руке.
Тихий шелест.
И плеск, и безволье.
По-кошачьи подкралась печаль
И свернулась сердечною болью.
И темнее всё с возрастом даль...
Где ты, бабочка
С ярким окрасом,
Что парила над броским цветком?
И плыву я под дождичком брассом
И о юности плачу тайком.

* * *

Теперь всё реже говорю с тобой,
Хоть освещаешь путь в ночи по краю.
И дни летят опавшею листвою.
Так много их,
Что сбились ветром в стаю.
Совета, мама, больше не прошу.
И только постоянно сожалею.
Я собираю, будто ананшу,
Слова в стихи.
Твоей тоской болею...
Свой странный дар зачем передала?
Оставила одну с дурманом сладким.
По ком звонят в тиши колокола,
Когда сижу и плачу над тетрадкой?
Такой густой и мелодичный звон. –
Так, помнишь,
камень бросив в Херсонесе,
Там колокол звучал,
Как будто гонг.
О скалы билось море в пьяной спеси.
Летела пена, розовел закат,
Как персик, наливаясь райским соком.
Там плечи были тёмный шоколад,
Но думала о вечном, о высоком.
Теперь другие стали времена.
Не чайки, беспилотники летают.
Дрейфуют мины.
И не видно дна.
И взгляды – как медузы обжигают.
Их выпшвырнет волною – исчезать.
А я грущу, смотрю в речную воду,
Что снова начинает прибывать.
И неизбежен холод небосвода.

